

Значеніе філософіи для богословія (Пособіе къ апологетическому богословію).

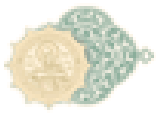
(Продолженіе¹⁾).

II. О вѣрѣ въ сверхъестественное.

Если бы сущность христіанства заключалась въ томъ, что оно есть историческій фактъ, событіе, въ такомъ случаѣ и для вѣры, какъ основного начала христіанской жизни, существеннымъ содержаніемъ ея также служило-бы христіанство, какъ фактъ историческій; т. е. вѣра ограничивалась бы фактическимъ содержаніемъ. Исповѣданіе нашей вѣры состояло бы въ признаніи только того, что Іисусъ Христосъ родился въ Виѳлеемѣ, жилъ и училъ въ такое то время и въ извѣстныхъ мѣстахъ Іудеи, совершалъ чудесныя дѣйствія, былъ осужденъ и умеръ на крестѣ. Какъ признаніе всякаго иного историческаго факта опирается на довѣріи къ тѣмъ свидѣтелямъ, отъ которыхъ дошли до насъ объ немъ свѣдѣнія, такъ равно и признаніе дѣйствительности повѣствуемыхъ въ Евангеліяхъ событій опирается на довѣріи къ повѣствователямъ, и выходитъ такимъ образомъ, что вѣра въ Іисуса Христа опиралась бы на вѣрѣ въ учениковъ Его, отъ которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія о жизни и дѣлахъ Христа, и стало быть вѣра въ правдивость учениковъ Христа была бы важнѣе, нежели вѣра въ самого Христа, ибо послѣдняя опиралась бы на первой. На самомъ же дѣлѣ, наоборотъ, повѣствователи Христовыхъ дѣлъ для насъ имѣютъ авторитетъ только какъ ближайшіе ученики Христа и Его послѣдователи. Повѣствуемые Евангелистами чудесныя дѣйствія, какъ исключительныя, даже не могутъ быть удостовѣрены чрезъ приложеніе къ извѣстіямъ о нихъ обычныхъ пра-

¹⁾ См. Труды Кіевской дух. Академіи, сентябрь, 1903 г.

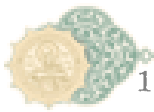
вить исторической критики, тѣмъ болѣе, что въ то время, къ которому относятся эти извѣстія, еще не было и не могло быть, какъ теперь, вполнѣ развитого научнаго мышленія, а сообразно съ тѣмъ вѣра въ возможность чудесъ была очень распространена и свойственна была всѣмъ безъ исключенія, какъ это видно изъ того, что у язычниковъ были сказанія о чудесахъ и чудотворцахъ; многіе изъ іудеевъ были того мнѣнія, что Іисусъ Христовъ не кто иной, какъ Ілья, сошедшій съ неба; сошествіе съ неба, слѣдовательно, представлялось тогда дѣломъ возможнымъ и не для кого-либо, а для простаго человѣка. Необходимо, сверхъ того, обратить вниманіе и на то, что не всѣ современники и очевидцы чудесныхъ дѣлъ Христа Спасителя увѣровали въ него какъ Чудотворца и Посланника Божія, видѣли, были очевидцами и не увѣровали; другіе же, напротивъ, не видѣли и увѣровали; и таковыя, не видѣвшіе и увѣровавшіе, по слову Спасителя, болѣе блаженны, нежели тѣ, которые увѣровали лишь послѣ того, какъ увидѣли. Вотъ въ какомъ видѣ представляется вопросъ объ основаніи вѣры христіанской, если разсматривать его исключительно съ точки зрѣнія исторической. Очевидно, что для вѣры во Христа, какъ Основателя новой религіи, *фактическія* основанія сами по себѣ недостаточны, а потому требуютъ восполненія посредствомъ основаній иного рода, именно основаній *умозрительныхъ*, и таковыя основанія основаніями фактическими необходимо предполагаются. Только въ силу подразумѣваемыхъ,—(хотя бы и не были притомъ сознаваемы), умозрительныхъ основаній, и основанія фактическія получаютъ принадлежащее имъ важное значеніе. Если бы вѣра во Христа опиралась всецѣло на фактическихъ основаніяхъ, тогда вопросъ объ этой вѣрѣ былъ бы предметомъ исключительно однихъ историковъ, и вся наука о вѣрѣ христіанской заключалась бы въ исторіи Церкви: *Богословіе* было бы излишнимъ. Поэтому нельзя не признать удивительнымъ, что не историки, а именно представители Богословія

проводятъ такой странный взглядъ на христіанство, упраздняющій ихъ собственное дѣло (напр., свящ. Свѣтловъ). Итакъ попытаемся, конечно, лишь въ общихъ чертахъ, разяснить, по возможности умозрительныя основанія вѣры христіанской.

Въ чемъ состоитъ сущность вѣры во Христа? Въ признаніи Его Богомъ, иначе—Сыномъ Божиимъ, Единосущнымъ Отцу, т. е. самымъ полнымъ и совершеннымъ явленіемъ Божества во образѣ не мнимой, а вполне реальной человѣческой личности, чѣмъ самъ человѣкъ былъ возведенъ на степень высшаго достоинства. Если Христосъ признается Богомъ, то очевидно основаніемъ этого служить вѣра въ Бога прежде всего. Безъ вѣры въ Бога была бы невозможна вѣра во Христа, какія бы ни были даны къ тому фактическія основанія. Съ другой стороны, съ вѣрою во Христа нераздѣльно соединена вѣра въ чудеса,—какъ событія сверхъестественныя. И эта вѣра также свой корень имѣетъ въ той же вѣрѣ въ бытіе Бога. Ибо вѣра въ бытіе Бога можетъ имѣть характеръ религіозный только при томъ условіи, если Божество понимается, какъ существо *сверхъестественное*. Такимъ образомъ, вопросъ о сущности христіанской вѣры сводится прежде всего къ вопросу: на чемъ основывается вѣра въ бытіе Бога, какъ существа сверхъестественнаго? Человѣкъ религіозный можетъ сослаться на откровеніе; но и самая вѣра въ откровеніе, признаніе возможности такового, опирается на вѣрѣ въ бытіе Бога, какъ существа сверхъестественнаго. Все разногласіе между наукою и религіозною вѣрою вращается около одного вопроса: должно ли признать бытіе начала сверхъестественнаго, или же все должно подлежать изясненію изъ началъ естественныхъ,—на основаніи законовъ и силъ природы?

Чтобы рѣшить вопросъ объ основаніяхъ для вѣры въ сверхъестественное, для этого необходимо прежде всего установить точное общее понятіе о природѣ, о естественномъ. Понятіе это такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ столь необхо-

димо для человеческого разума, что оно давно уже установлено, еще прежде возникновенія науки въ современномъ значеніи слова, философіей,—и съ тѣхъ поръ остается неизмѣннымъ и общепризнаваемымъ, такъ что для различенія естественнаго отъ сверхъестественнаго никакихъ спеціальныхъ научныхъ знаній и не требовалось. Природа производитъ разнообразныя перемѣны, но никогда ничего абсолютно новаго она не производитъ. Это значитъ, что никакое *бытіе* не есть произведеніе природы; произведеніемъ природы могутъ быть только перемѣны въ существующемъ, но не самое существованіе. Отсюда аксіома: ничто не происходитъ вновь и не уничтожается, а только измѣняется. Если же природа не производитъ самаго бытія вещей, то не очевидно ли, что причиною бытія можетъ быть только сила сверхъестественная, которую мы должны представлять, какъ начало, стоящее надъ природою, выше природы. Какъ причина, произведшая самое бытіе вещей, изведшая ихъ изъ небытія въ бытіе, эта сверхъестественная сила есть творческая. Отсюда понятіе о Богѣ, какъ о творцѣ вселенской. Это самое первоначальное и основное опредѣленіе Божества.

Но необходимо ли полагать начало для бытія вещей? Отчего не предположить, что бытіе вещей безначально, вѣчно и слѣдовательно мысль о причинѣ этого бытія, о причинѣ сверхъестественной должна быть исключена. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признать бытіе вселенной безначальнымъ, вѣчнымъ—очень важный вопросъ, требующій сложнаго изслѣдованія; между прочимъ, съ этимъ вопросомъ имѣетъ связь понятіе о безконечномъ; значитъ необходимо и это понятіе изслѣдовать. Поэтому касаться означеннаго вопроса здѣсь не мѣсто; ограничимся замѣчаніемъ: безначальное, вѣчное бытіе условныхъ и измѣнчивыхъ вещей для разума человеческого несравненно менѣе понятно, нежели вѣчное бытіе сверхъестественной всемогущей, творческой силы.

Говорятъ, что въ самой постановкѣ вопроса о причинѣ бытія заключается противорѣчіе, ибо очевидно причина бытія и сама также есть бытіе; прилагая же и къ ней вопросъ о причинѣ, мы приходимъ къ понятію о такомъ бытіи, которое есть причина самого себя (*causa sui*), что можно сказать и вообще о бытіи вещей,—т. е. вещи просто существуютъ, не имѣя для себя причины. Означенное противорѣчіе само собою устраняется, если точнѣе опредѣлить смыслъ вопроса о причинѣ существованія вещей. Вопросъ этотъ точнѣе можно такъ выразить. Таково ли бытіе вещей, чтобы можно было признать его самопонятнымъ, ни отъ чего независимымъ, слѣдовательно, безусловнымъ, или же, напротивъ, оно есть условное и зависимое и, слѣдовательно, должно имѣть для себя иное, отличное отъ него, основаніе?

Допустимъ, однакожь, что съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ можно отрицать начало бытія, существованія вещей. Но чего нельзя отрицать, такъ это *происхожденія, начала жизни*. Жизнь, такъ же, какъ и бытіе, не производится природою, а только поддерживается, сохраняется, распространяется,—словомъ перемѣны жизни зависимы отъ природы, но не самое ея возникновеніе; ибо жизнь не возникаетъ вновь, а только передается отъ одного живого существа другому. Конечно, кто признаетъ бытіе вещей безначальнымъ, долженъ признать также и жизнь безначальною, вѣчною. Но извѣстно, что, по научнымъ даннымъ, жизнь не всегда существовала на землѣ: когда земля была газообразнымъ и затѣмъ жидкимъ сфероидомъ,—въ то время жизнь на землѣ была невозможна. Спрашивается, какимъ же образомъ жизнь на землѣ могла возникнуть? Если вообще во вселенной жизни всегда существовала, то, повидимому, слѣдуетъ предположить, что первоначально жизнь сообщилась землѣ отъ другихъ планетъ; но для такого предположенія не имѣется никакихъ данныхъ: (въ метеорныхъ камняхъ, падающихъ иногда на землю, не находятъ никакихъ слѣдовъ органической жизни; да при этомъ же, если бы случайно какіе-либо

органическіе зародыши попали въ эти камни, то, вѣдь, зародыши эти должны бы погибнуть прежде, чѣмъ достигнуть земли, такъ какъ, во время своего полета, метеорные камни претерпѣваютъ такія перемѣны температуры—то холодъ, то жаръ, при которыхъ жизнь не можетъ сохраниться. На землѣ же жизнь могла бы возникнуть только чрезъ простое сочтание лишенныхъ жизни мертвыхъ матеріаловъ; но это было бы чудомъ большимъ, нежели возвращеніе жизни мертвецу, ибо, при воскресеніи мертваго, душа, уже существовавшая, вновь соединяется съ тѣломъ, но не создается; при первоначальномъ же оживленіи или оживотвореніи мертваго вещества жизнь, очевидно, была бы новымъ твореніемъ; но *созданіе безъ Создателя, твореніе безъ Творца*, очевидно, немыслимо. Итакъ, жизнь, конечно, должно признать вѣчною, безначальною, но такова она лишь въ Томъ, Кто есть источникъ жизни, такъ же точно, какъ и бытіе безначально и вѣчно, но только бытіе не конечныхъ вещей, а Существа всемогущаго, Которымъ все содержится и живетъ. Говоря о бытіи, мы опредѣлили причину бытія вещей, какъ творческую *силу*. Но когда мы мыслимъ происхожденіе жизни, то, очевидно, первую причиною жизни мы можемъ признать лишь *существо*, не силу, а существо, которое само обладаетъ жизнью,—существо вѣчно живое. Отсюда получаютъ такія опредѣленія Божества: Богъ есть жизнодавецъ, онъ есть Духъ животворящій, вѣчно сущій Господь, Владыка жизни,—Вседержитель.

Не менѣе, какъ, происхожденіе жизни, загадочно для естественно-научной точки зрѣнія, т. е. выходитъ изъ предѣловъ естественнаго порядка вещей — *происхожденіе разума*. Конечно, при неопредѣленности и неясности ходячихъ понятій о разумѣ, не трудно выдавать за правдоподобное то, что такъ часто встрѣчается у современныхъ писателей; имѣемъ въ виду обычное усвоеніе разума животнымъ; разумъ отождествляется съ инстинктомъ; въ свою очередь, ин-

стинктъ отождествляется съ рефлексивнымъ движеніемъ, а движеніе свойственно и тѣламъ неодушевленнымъ. Говоря о разумѣ, слѣдуетъ держаться точнаго и яснаго понятія объ этомъ предметѣ; иначе можно, вѣдь, что угодно выдавать за истину. Основное и самое существенное дѣйствіе разума безспорно есть *познаніе*; подъ именемъ же познанія ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ разумѣть всякія проявленія мышленности, всегда подчиненныя инстинкту самосохраненія (индивидуальнаго и родового). Можно сказать безъ малѣйшей опасности впасть въ ошибку, что и растительная жизнь и животная, восходя до самыхъ высшихъ и наиболѣе мышленныхъ животныхъ, вся цѣликомъ сводится къ потребности самосохраненія; всѣ жизненные проявленія у существъ, лишенныхъ разума въ собственномъ смыслѣ, всегда и безраздѣльно направлены къ обезпеченію своего благобытія. Направленіе же познавательной дѣятельности разума совершенно противоположное, ибо истина, которая есть цѣль этой дѣятельности, требуетъ отвлеченія вниманія отъ себя (своего я) и отъ всего своего; отвлеченіе—это первое условіе дѣятельности мышленія,—отвлеченіе, понимаемое въ смыслѣ отрѣшенія мысли отъ своего я, что необходимо и тогда, если содержаніемъ нашего мышленія служатъ понятія конкретныя, которыя обыкновенно противопоставляются понятіямъ отвлеченнымъ, при чемъ понятіе отвлеченія имѣетъ уже дальнѣйшій особый смыслъ (разумѣется отвлеченіе одного признака отъ другихъ въ представленіи предмета, а не отвлеченіе отъ своего я). Даже когда мышленіе направлено къ самопознанію, и въ этомъ случаѣ свойства и проявленія своего я мы разсматриваемъ отвлеченно по отношенію къ этому я. Словомъ, познавательная дѣятельность существа способнаго къ такой дѣятельности, т. е. разумнаго, направляется не къ нему, а отъ него: въ своемъ развитіи она ведетъ все къ большому и большому самозабвенію для этого существа.—Способность отрѣшаться отъ себя, представлять всякую вещь—саму по

себѣ, всякое явленіе отдѣльно отъ всего иного, слѣдовательно, и отъ себя, т. е. представляющаго, — эта способность дѣлаетъ возможнымъ обладаніе *даромъ слова*, который посему отъ разума не отдѣлимъ. Чтобы возможно было обозначить нѣкоторое представленіе какимъ-либо звукомъ или сочетаніемъ звуковъ, необходимо для сего а) выдѣленіе этого представленія въ нашемъ сознаніи отъ различныхъ сопровождающихъ его аффективныхъ состояній и влеченій, а этого у животныхъ никогда не бываетъ, вслѣдствіе преобладанія въ ихъ сознаніи таковыхъ состояній и влеченій; поэтому и представленія для животныхъ возможны только имѣющія ближайшую связь со свойственными животнымъ аффектами и влеченіями; б) необходимо, сверхъ того, различеніе звука, служащаго знакомъ, отъ представленія или, что то же, отъ предмета, имъ обозначаемаго, вѣдь—слово орудіе, которымъ пользуется разумъ для выраженія представленій; а возможно ли созданіе орудія къ извѣстной цѣли для существа не способнаго различить орудіе и употребленіе его отъ цѣли, ради которой оно создано? И дикари готовятъ орудія для разныхъ своихъ надобностей, чего никогда не дѣлаетъ животное; а это показываетъ, что они *различаютъ* цѣль, которой требуется достигнуть, отъ средства къ цѣли, другими словами ихъ уму присуща *идея цѣлесообразности*, что также составляетъ особенную черту разума, и безъ чего познаніе невозможно. Посему человѣка, какъ разумное существо, можно еще такъ характеризовать. Человѣкъ—такое существо, которому искони свойственна *сознательная*, а потому *активная цѣлесообразность* дѣйствій, между тѣмъ какъ животнымъ можетъ быть присуща только цѣлесообразность безсознательная и пассивная. Сознательная цѣлесообразность есть цѣлесообразность обусловленная познаніемъ. Итакъ, разумъ есть способность познавать, и чрезъ познаніе дѣйствовать цѣлесообразно, при употребленіи образуемыхъ для того орудій; первообразомъ же орудій—служить *языкъ*.

Такъ какъ невозможно вывести происхожденіе разума изъ низшихъ функцій животно-растительной жизни, ибо какъ жизнь не можетъ произойти отъ мертваго, такъ разумное не выводимо изъ неразумнаго; то поэтому и для разума человѣческаго необходимо допустить сверхъестественное происхожденіе.

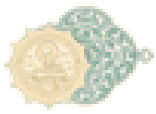
Но какъ мы должны мыслить это происхожденіе? Разумъ, хотя бы и конечнаго существа, каковъ человѣкъ, нельзя назвать *созданіемъ*, *твореніемъ*. Ибо разумъ то и есть творческая сила, и нѣтъ такой силы, которая была бы выше разума и могла его создать: не самый разумъ, а только подобія разума могли быть созданы, т. е. такія существа, которыя имѣютъ на себѣ печать разумности, но разумомъ не обладаютъ. Итакъ, самъ Творецъ есть величайшій творческій разумъ, есть сама премудрость, а также и не отдѣлимое отъ нея, единосущное съ нею, ея орудіе—Слово (Логосъ). Человѣческій разумъ, или иначе, разумную человѣческую душу Богъ не создалъ, а только сообщилъ человѣку (по Писанію Богъ вдунулъ въ человѣка душу).

Самое важное основаніе для того, чтобы не отдѣлять отъ *природы*, т. е. отъ области естественнаго бытія, первой причины *бытія*, *жизни* и *разума*, но полагать такую причину въ самой же природѣ, заключается въ томъ, что получается, въ противномъ случаѣ, т. е. при раздѣленіи первой причины отъ природы, *дуализмъ*; ибо естественное при этомъ отдѣляется отъ сверхъестественнаго, и одно другому противопоставляется. Единство бытія, при такомъ міросозерпаніи, нарушается, или, лучше сказать, становится невозможнымъ, а между тѣмъ разумъ требуетъ этого единства. Однако допустимо ли и такое единство, при которомъ приходится утверждать, что нѣтъ существеннаго различія между природою мертвою и живою, что и неорганическая матерія заключаетъ въ себѣ жизнь, что вся вселенная во всѣхъ своихъ частяхъ есть живое одушевленное существо.

Такое міровоззрѣніе можетъ казаться привлекательнымъ, пока остается въ сферѣ общихъ положеній; но въ приложеніи къ очевиднымъ явленіямъ дѣйствительности оказывается фантастическимъ, лишеннымъ всякаго реальнаго значенія. Конечно, и тѣ, которые въ общемъ готовы признать такое міровоззрѣніе, въ своихъ реальныхъ отношеніяхъ къ дѣйствительности принуждены на каждомъ шагу измѣнять ему. Постоянно повторяется то положеніе, что природа незамѣтными переходами отъ одной перемѣны къ другой образуетъ изъ всѣхъ формъ бытія одно непрерывное и нераздѣльное цѣлое. Но такое воззрѣніе не оправдывается точнымъ изслѣдованіемъ явленій природы. Между органическими тѣлами и неорганическими, между мертвой природой и живой оказывается на дѣлѣ тѣмъ большая пропасть, чѣмъ тщательнѣе изслѣдуется это различіе. То же должно сказать о противоположности неразумныхъ тварей и человѣка. Хотя и говорятъ, что разстояніе между низшими животными организмами и высшими большее, чѣмъ разстояніе, раздѣляющее послѣднихъ отъ человѣка, но это невѣрно, ибо и жизнь высшихъ животныхъ ограничивается тѣми же потребностями—питаніе и размноженіе—какія свойственны самымъ низшимъ животнымъ организмамъ, даже растеніямъ. Ни малѣйшаго слѣда собственно духовной жизни нѣтъ у самыхъ высшихъ животныхъ, ибо необходимый признакъ этой жизни, способность къ развитію и самодѣтельности, у нихъ вполне отсутствуетъ; иначе было бы примѣнимо къ нимъ воспитаніе; вмѣсто того возможна лишь *дрессировка*, т. е. созданіе новыхъ инстинктовъ.

Единство бытія, безспорно, есть постулатъ разума, но нѣтъ необходимости понимать это единство бытія такъ, чтобы исключались имъ всякія существенныя различія, данныя въ дѣйствительности.

Другіе говорятъ: зачѣмъ предполагать причины вещей и пытаться ихъ опредѣлить такъ или иначе? Причины явле-

ній, составляющихъ дѣйствительность, не познаваемы; и всякія представленія о причинахъ, а тѣмъ болѣе о первой причинѣ всегда будутъ фиктивными. Но мысль человѣческая никоимъ образомъ не можетъ быть заключена въ ту узкую область, какую та или иная философія ей предназначаетъ. Не могутъ также обрѣзать крылья уму человѣческому никакія попытки исключить изъ научнаго обихода самыя понятія о причинѣ, сущности и под. на томъ основаніи, что будто понятія эти лишены всякаго реальнаго значенія. Отрицаніе таковыхъ понятій, ихъ необходимости, прямо ведетъ къ отрицанію разума (крайній эмпиризмъ и сенсуализмъ въ этомъ, въ сущности, состоитъ). Но уже ли мы готовы лучше лишить себя разума, чѣмъ допустить заключенія, выходящія за тѣ узкіе предѣлы, какіе предназначаются для области естественнаго, доступнаго научному познанію?

Для мысли о единствѣ бытія достаточно, если признается необходимость общенія между Творцомъ и тварью. И главнымъ образомъ, какъ само собою понятно, такое общеніе съ Верховнымъ Существомъ полагается для человѣка, какъ разумнаго существа. Хотя обладаніе разумомъ и составляетъ черту, раздѣляющую человѣка отъ всей остальной природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ своими тѣлесными потребностями, влеченіями и аффектами, какъ крѣпчайшими узами, онъ связанъ со всею остальною природою.

Но безъ самообладанія, безъ возвышенія духомъ надъ своими природными влеченіями, нельзя быть властелиномъ природы, чего требуетъ разумъ. Конечно, можно возразить противъ этого требованія: зачѣмъ мы должны домогаться господства надъ своими природными влеченіями, недостаточно ли пользоваться всѣми благами внѣшней природы, ни въ чемъ не расходясь со своею собственною природою, и ничего отъ себя не требуя? Но дѣло въ томъ, что человѣкъ пріобрѣлъ власть надъ природою и заставилъ силы ея служить себѣ, какъ извѣстно, только путемъ самаго упорнаго и настойчи-

ваго, можно сказать, самоотверженного труда изслѣдованія и изученія, а развѣ такой трудъ возможенъ былъ прежде, чѣмъ человѣкъ научился обуздывать собственную природу и не сдѣлалъ ее покорною слугою требованій разума? Фавстъ, въ извѣстной трагедіи Гёте, проклинаетъ свою жизнь, жалуется горько на свою судьбу за то, что себя убилъ, растратилъ свои силы, какъ ему кажется, въ безплодной научной работѣ, лишивъ себя чрезъ то возможности насладиться вполнѣ жизнью. А развѣ былъ бы онъ способенъ на такую самоотверженную жизнь, которая, въ минуту сомнѣнія, кажется самоубійствомъ (сомнѣніе же это оказывается дьявольскимъ навожденіемъ), если бы христіанское воспитаніе не укоренило въ его душѣ мысль о подвигѣ, о самоотреченіи, объ обузданіи своихъ природныхъ влеченій ради служенія высшему назначенію?

Противостоятъ своимъ природнымъ влеченіямъ человѣкъ можетъ въ такомъ только случаѣ, если онъ убѣжденъ, что этого требуетъ Высочайшая воля, которой онъ обязанъ всѣми преимуществами своего существа, что господство надъ влеченіями природы своей, власть надъ ними и свобода заповѣдуется самимъ Богомъ.

Итакъ, нравственная задача жизни—вотъ новое, важнѣйшее основаніе для вѣры въ бытіе сверхъестественнаго. Основаніе это такъ важно, что многимъ оно кажется и единственнымъ основаніемъ религіозной вѣры.

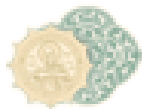
Но какъ возможно означенное выше убѣжденіе, что нравственная задача жизни есть выраженіе воли Божіей, опредѣлена не произволомъ человѣческимъ, но самимъ Богомъ?

Выше сказано, что разумъ направляетъ не къ субъекту, которому принадлежитъ, а отъ субъекта, почему и мышленіе проявляется прежде всего въ актѣ различія и въ положеніи различнаго (самое бытіе, какъ категорія, форма мысли, есть положеніе такого различія). Итакъ, разумъ есть

начало, производящее нѣкоторую необходимую двойственность въ живомъ существѣ; сама по себѣ жизнь есть нѣчто внутреннее, скрытое, въ себѣ пребывающее, самозаключенное, но чрезъ дѣятельность разума жизнь становится открытою, способною входить въ общеніе съ инымъ, отличнымъ отъ себя, существомъ, ничего чрезъ то не теряя. Поэтому, если высшее и основное сверхъестественное существо необходимо мыслится, какъ обладающее совершеннѣйшимъ разумомъ, какъ источникъ всего мудраго и разумнаго, то, конечно, такому существу должно быть свойственно *открывать* себя, свою волю (понятіе откровенія), входить въ общеніе съ инымъ тоже разумнымъ, хотя и въ ограниченной мѣрѣ разумнымъ, существомъ. Вотъ какимъ образомъ нравственная задача жизни человѣческой служить основаніемъ для вѣры въ сверхъестественное.

Выводъ изъ всего предыдущаго таковъ:

Основаніями для вѣры въ сверхъестественное, иначе въ трансцендентное, служатъ *бытіе, жизнь и разумъ*. Естественное происхожденіе бытія жизни и разума немыслимо, ибо это означало-бы, что природа сама себя произвела. Для устраненія всякой мысли о трансцендентномъ или сверхъестественномъ, остается признать бытіе природы, а равно жизни и разума въ ней безначальнымъ, непроизшедшимъ, но всегда сущимъ, вѣчнымъ. Допустима ли такая мысль? Бытіе необходимо мыслится, какъ *вѣчное*,—если не бытіе природы, то бытіе причины ея; также жизнь и разумъ, если не какъ принадлежности природы, то опять какъ атрибуты ея причины.—Но къ чему дуализмъ, зачѣмъ, кромѣ природы, полагать еще ея причину, кромѣ естественнаго еще сверхъестественное? Вѣра въ сверхъестественное, говорятъ, служить источникомъ суевѣрій; въ жизни постоянно приходится имѣть дѣло съ явленіями, не выходящими изъ естественнаго порядка вещей. Вѣра въ сверхъестественное парализуетъ волю чловѣка, ибо не можетъ быть общепризнанныхъ, подобныхъ

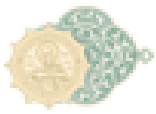
научнымъ истинамъ, правилъ о томъ, какъ относиться къ предполагаемой сверхъестественной причинѣ, и какъ должно ее мыслить. Все это порождаетъ разногласія. Убѣжденіе же, что ничего нѣтъ, кромѣ естественнаго порядка вещей, дѣлаетъ человѣка свободнымъ существомъ, возстановляетъ его, подавленное страхомъ предъ невѣдомыми силами, достоинство дѣлаетъ его господиномъ надъ природою, съ полною ясностію опредѣляетъ путь къ достиженію возможнаго для него счастья,—путь заключающійся единственно въ *познаніи* вещей. Наука—вотъ гдѣ человѣкъ долженъ искать спасенія.

Но возможно ли въ самомъ дѣлѣ устранить разумнымъ образомъ всякую мысль о трансцендентномъ и вѣру въ сверхъестественное? Предположимъ, что бытіе вселенной безначально, что можно говорить лишь о происхожденіи отдѣльныхъ планетныхъ системъ, но не о происхожденіи всего міра. Такъ какъ всѣ вещи и существа одушевленные образуются изъ матеріальныхъ элементовъ, то слѣдуетъ признать, что самые эти элементы заключаютъ въ себѣ зачатки жизни и разума. Противоположность между природою мертвою, неорганическою и органическою, одушевленною есть, въ такомъ случаѣ, относительная, а не безусловная; эту противоположность можно уподобить двумъ противоположнымъ состояніямъ живыхъ существъ—бодрствованію и сну. Природа неорганическая—это спящая природа; а органическая природа есть природа, пробудившаяся къ жизни, къ состоянію дѣятельному, которое, когда живое существо умираетъ, снова смѣняется состояніемъ сна. Но такъ можно разсуждать только при самомъ поверхностномъ взглядѣ на природу вещей. Въ органическомъ существѣ во время сна всѣ необходимыя для жизни отправления совершаются съ тою же правильностію, какъ и въ состояніи бодрственномъ; разница между бодрственнымъ состояніемъ и состояніемъ сна заключается единственно въ томъ, что уменьшается ясность сознанія; сознаніе ослабѣваетъ до минимума; внѣшнія впечатлѣнія не воспри-

нимаются, но тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на ослабленное сознание впечатлѣнія внутреннія. Итакъ, разница между сномъ и бодрствованіемъ есть количественная, а не качественная, относится къ степени сознанія. Таково ли различіе—между природою неорганич. и природою органическою? Положимъ, что химическіе процессы въ природѣ неорганической происходятъ по тѣмъ же законамъ, какъ и въ органической, и матеріальные элементы одинаковы тамъ и здѣсь, но химическіе процессы непрерывно, въ извѣстномъ порядкѣ, совершаются въ организмѣ, чего нѣтъ въ мертвой природѣ; по-сему приходится предположить, что случайно возникло такое сочетаніе химическихъ дѣятелей, при которомъ они взаимно возбуждаютъ другъ друга, и отчего дѣятельность ихъ непрерывно продолжается, при чемъ однако организмъ изъ среды постоянно воспринимаетъ новые матеріалы, выдѣляя изъ себя прежніе (обмѣнъ матеріи), а это уже явленіе не случайное, но составляетъ условіе *необходимое* для существованія организма, такъ что *случай*, непонятнымъ образомъ, превратился въ *необходимость*, *безцѣльная* встрѣча матеріаловъ въ *цѣлесообразную* ихъ дѣятельность. Цѣлесообразность же, свойственная организмамъ это уже есть проявленіе разумности. Итакъ, не только скрытую жизнь, для проявленія которой нуженъ лишь благопріятный случай, но и скрытую разумность должно предположить въ простѣйшихъ элементахъ сущаго, если не полагать начала сверхъестественнаго. Дѣйствительно, посмотрите въ какомъ удивительномъ порядкѣ, какъ симметрично, образуя столь удивительно красивую форму, располагаются частицы пара, когда изъ нихъ образуются въ облакахъ снѣжинки, падающія на землю. Въ чемъ же именно состоитъ, по сущности своей, разумность. Разумъ состоитъ прежде всего въ познаніи (нѣтъ разума безъ идей), простѣйшая форма познанія есть *сознание* (сознание своего состоянія и существованія, самочувствіе). Итакъ, матеріальные элементы должны обладать безконечно малымъ сознаниемъ, если въ нихъ есть разумъ. Изъ малыхъ частицъ обра-

зуются массы; изъ малыхъ сознаний—сложное, слѣдовательно, и болѣе ясное. Значить, все дѣло въ сочетаніи частицъ, въ ихъ сложности. Земля представляетъ собою несравненно большую массу частицъ матеріи, чѣмъ любой организмъ и цѣлый союзъ организмовъ. Посему земля должна бы обладать огромнѣйшимъ сознаниемъ. Но всякій согласится, что подобный выводъ—слишкомъ смѣлая фантазія. Въ такомъ случаѣ простого сочетанія въ большую массу частицъ матеріи, обладающихъ каждая безконечно малымъ сознаниемъ, недостаточно для того, чтобы возникло сознание ясное и опредѣленное. Необходимо а) выборъ матеріаловъ,—именно нужны тѣ, которые входятъ въ составъ мозговой субстанціи,—б) необходимо такое, а не иное, сочетаніе этихъ матеріаловъ. Тенерь, если случайно произошли и этотъ выборъ матеріаловъ для образованія мозга, хотя бы въ зачаточномъ его видѣ, и самый порядокъ ихъ сочетанія, то какое значеніе, по отношенію къ этому случаю, имѣетъ то, что частицы матеріи обладаютъ всегда безконечно малымъ сознаниемъ? Очевидно то единственно значеніе, что частицы матеріи заключаютъ въ себѣ простую *возможность* возникновенія дѣйствительнаго сознания, но осуществленіе этой возможности зависитъ отъ случая, а потому а) могла эта возможность и не осуществиться, б) нѣтъ необходимости, чтобы осуществленіе означенной возможности происходило повсюду въ мірѣ; могло оно произойти только однажды, а посему существованіе на землѣ разумныхъ существъ, быть можетъ, единственный случай этого рода во всемъ мірѣ; и мы—чада случая—посему должны всего для себя ожидать единственно отъ случая и стремиться къ господству въ жизни добра и правды нѣтъ никакихъ основаній. Усвоивъ матеріи разумъ, мы своимъ разумомъ должны въ такомъ случаѣ пренебречь, вѣняя его ни во что. Вотъ къ чему приводитъ отрицаніе сверхъестественнаго начала.

Но картина получается иная, если мы подумаемъ, что коль скоро присуща разумность частицамъ матеріи, то должны

быть имъ свойственны и законы разума, какъ свойственны имъ законы химическіе, механическіе, физическіе. Законы разума суть логическія и этическія формы, которыми предполагается присутствіе идей. А это значитъ, что не случай господствуетъ въ мірѣ, а управляютъ міромъ частицы матеріи по законамъ разума, по законамъ логическимъ и этическимъ. Итакъ, приходится облечь частицы вещества атрибутами самаго Божества, существа сверхъестественнаго, при чемъ, однако, на мѣсто необходимо полагаемаго разумомъ единства начала оказывается неопредѣленное множество началъ. Ясно, что несравненно разумнѣе полагать не множество мелкихъ единицъ, какъ основаніе всего, а единое начало, единый верховный разумъ, одно существо сверхъестественное.

П. Липицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).